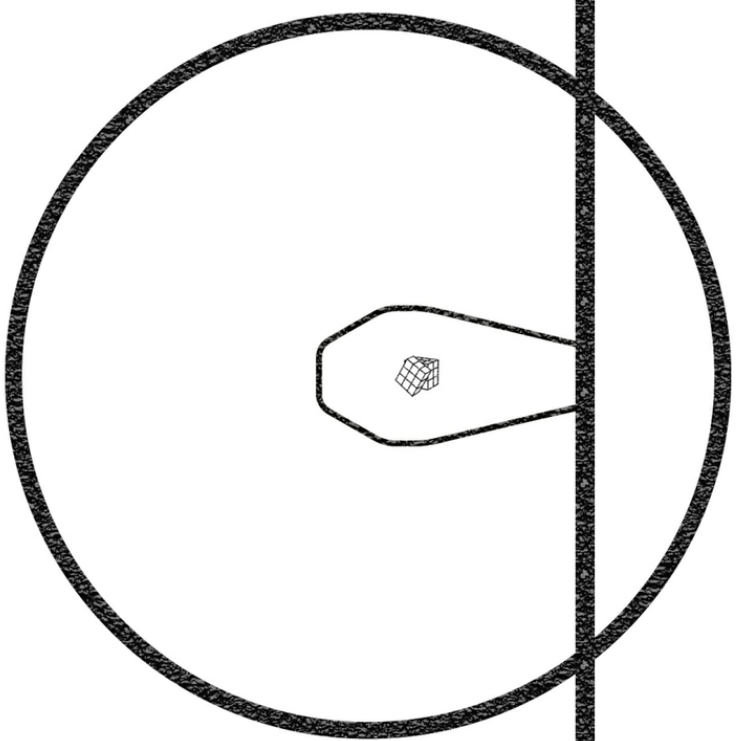

Д
о
н
н
а
л
л

У
в
и
д
е
т
ь

с
о
л
н
ц
е

в
о
з
м
о
ж
н
о
с
т
ь

п
о
с
л
е
д
н
я
я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

John Hall

**Последняя возможность
увидеть солнце**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

John Hall

Последняя возможность увидеть солнце / John Hall — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Дисклеймер! Все совпадения случайны. Данным проектом я не хочу задеть чьих бы то ни было чувств, взглядов, проблем или интересов. Прошу относиться к материалу как к художественному произведению, цель которого только творчество, в широком смысле этого слова. По этой причине отнеситесь с пониманием и не ищите никаких потаенных смыслов или попыток очернить, обидеть, задеть или спровоцировать кого бы то ни было на какие бы то ни было действия. Спасибо за понимание. Содержит нецензурную брань.

—
Мои ладони в кровавых мозолях. Под ногтями грязь. Мне за сорок. Я на самом дне. Занял свое место, если так можно сказать.

Я – последний элемент загадки под названием «Жизнь». Я – всего лишь кусок дерьма, который брошен кем-то владеющим большими полномочиями на вентилятор. Я – пыль.

Я жил неправильной, несправедливой, нехорошей жизнью, за которую мне не стыдно. Я был там, где должен был быть, и не стану сожалеть ни за единый момент, ни за единый взгляд, ни за единую капельку пота или крови, что была потеряна мной или из-за меня. Я – отброс.

У меня нет никого, кто мог бы стать мне близким, но были те, кто пытались стать такими. За душой, за спиной нет совершенно ничего такого, к чему стремглав, ломая ноги, переступая через головы, истаптывая тела под ногами, мчится большинство. Нет ничего такого, к чему стремятся плывущие против, отстаивающие противоположные суждения, отчужденные и отвергнутые обществом. Я – ничто.

Единственное, что я делаю, – копаю. Гнию на лопате в любую погоду, в любое время года. Кидаю землю, глину, камни, которые встречаются вместе с корнями, какими-то кустами, если брать с самой верхушки, с поверхности. Я рою лопатой нечто огромное под ногами, что даровало всем и всему существование, и одновременно с этим все глубже закапываюсь внутрь самого себя. Себя, полного недоразумений, мыслей, грязи, накопленного опыта, прочитанных книг, пройденных километров, просмотренных снов, услышанных сплетен, прочувствованных чувств. Я – сочетание, компиляция, избранное из всего того, что мне противно, но до соплей мило. Я – все то, за что мне стыдно, и все то, за что я испытываю гордость, но ни единой капли не жалею и не раскаиваюсь. Я – письмо этому миру о том, как «не надо»... А о том, как «надо», мир и сам знает. Я – миг угасающего существа всего сущего.

Мое окружение – кресты. В моей атмосфере только мрамор, лишь часы, наполненные тишиной. Я живу в маленьком стремном здании, паршивой постройке в двух шагах от рабочего места. От места, смысл которого туманен и непонятен мне по огромному количеству причин.

У меня есть только одно реальное развлечение, от которого я получаю удовольствие. Я пишу письма самому себе, но не будущему, а прошлому. Я пишу себе письма, в которых говорю о том, что случится дальше. Я – подтверждение своего пути.

Иногда для разнообразия я ругаю сам себя. Делаю это грубо, жестко, с отяжкой, с чувством, с толком, с расстановкой. Я пишу себе письма о том, как я себя ненавижу, нынешнего. Иногда напиваюсь и хожу среди мрачных лиц и читаю им свои признания, зачитываю свои мысли, оглашаю список того, из чего состою, из того, что составляет меня нынешнего, того, которого я ненавижу. Я – обличие ненависти к самому себе.

Рядом с моей койкой есть небольшая тумбочка, на которой рождаются строки, рассказывающие обо мне больше, чем мог бы рассказать я, если бы начал говорить. Будто бы что-то потустороннее, иное вселяется в руку, которая берет перо и, ощущая его продолжением тела, исписывает бумагу с обеих сторон словами и выражениями, которые характеризуют меня. Там же, на тумбочке, лежат две книги: словарь и Библия. На вторую я ставлю кружку чая и никогда не открываю, а первая, наоборот, вечно открыта на странице, содержащей слово «сочувствие», что расположилось где-то между «сифилисом» и «сухой». Я – несуществующий человек.

Обо мне знает только заведующий местом, который сам зачастую забывает о моем существовании и вспоминает только в те моменты, когда я появляюсь позади него. Он боится меня. Он хотел бы избавиться от меня, как от кошмара, но не может. Я – тень, преследующая того, кто совершил преступление по случайности. Я – неприятная мысль.

Начало.

Это моя история. Здесь я укажу только начало и конец. Здесь все будет буквально, четко и неотступно, неотвратимо.

То, что было сказано выше, – мироощущение, которым я пронизан, словно мельчайшими, тончайшими нитями абсолюта, эфира, который поддерживает жизнь в этом маленьком, душном, мерзком мирке.

Я – продукт системы под названием «Государство». Меня таким создали посредством сотен и тысяч людей, скрепленных друг с другом цепочками связей, уводящих сам черт только знает, куда. Я – брак, который эта система выплюнула из себя... Я – выкидыш.

Здесь, в этом месте, я ощущаю единение с собой, с соседями по вселенной, с каждой тварью, как нельзя лучше, сильнее, чем кто бы то ни было. Я ощущаю себя прислужником и Бога, и Смерти, и даже Жизни. У этих трех институтов я хожу в подчинении и выполняю все, чтобы они могли развиваться. Я воспринимаю эти понятия не как каких-то конкретных персонажей, а как заведения, наполненные сальными, жирными, скучными и исписанными морщинами и макияжем лицами. Такими, которых крутят по телевидению, такими, которых печатают в газетах, такими, о которых говорят, которых обсуждают, которым поклоняются и ненавидят всем сердцем. Я – клерк.

Внутри меня, внутри моего сознания, в моей голове живут голоса, которые говорят со мной, которые также имеют лица и тела, которые очень просто спутать с реальными людьми... Иногда мне кажется, что они тоже реальны... Иногда я ловлю себя на том, что они даже более реальны, чем окружающие... Иногда я ощущаю, что я один из голосов в чьей-то голове, и я звучу серенадой ереси, бреда и чепухи. Я – ошибки, неврозы и комплексы нашего времени.

В этом блокноте я делаю пометки, которые наполнены мной, которые мной пропитаны, которые и есть я. Здесь записано все то, что составляет меня, но нет ни единого конкретного слова о том, кем я был раньше, или о том, кем я буду впредь. Даже не указано конкретного времени просто потому, что все это просто есть. Все это не привязано ни к каким координатам, ни к отсчетам, ни к чему! Это все просто есть здесь, в этом блокноте, который впитывает, впитал, впитает всего меня по частям. Я – хаотичный набор мыслей, перечисленных событий, сказанных слов. Я – нигде и никогда... Здесь.

Очередное паршивое утро. Дождь за окном. Запах сырой земли и разложений пробивается сквозь закрытые глаза. Я жду, выжидаю момент, который мне больше всего нравится. Момент, когда пора, миг, когда все наконец-таки сдвинется с мертвой точки. Секунду, когда я буду вести себя так, как положено. Я жду звонка будильника. Так происходит каждую ночь. Это часть меня. Я – поломанный механизм.

Вот он – мерзкий звон, от которого я тащусь, как кот от валерьяны. Маленький неутомимый механизм лупит молоточками по металлической крышке. Будто бы он в ярости, словно хочет на смерть забить обидчика. Каждое утро я наблюдаю это небольшое шоу ненависти. Каждое утро я его дожидаясь. Каждое утро, каждую ночь я просто лежу с закрытыми глазами и жду. Иногда сплю, иногда нет, иногда нахожусь где-то между, но одно остается неизменным: я жду звонка будильника в старых часах, которые принес мне священник.

Остановив звон, я иду в туалет на улицу.

«Холодно», – доносится внутри меня.

Я иду в туалет, который находится метрах в ста от моего маленького пристанища. Меня осыпает дождь. Ноги скользят по грязи и глине. Благодаря дождю здесь воняет аммиаком, здесь воняет человеком, нечистотами. Здесь запах человечества приобретает свое реальное обличье.

Потом я плетусь обратно, также под дождем. После захожу в свою тусклую и грязную обитель, в свой холодный склеп. Здесь есть только таз с водой, чтобы умыться. Еще вчера я набрал его и принес сюда, с храма к которому я принадлежу. Я – вещь.

Я каждый день повторяю стандартный для себя набор действий. Поэтому после умывания натягиваю на себя старые спортивные штаны, которые упали мне в руки все с того же священника, его толстовку и старые высокие резиновые сапоги.

«Осень скоро закончится», – думаю я и иду с лопатой, закинутой на плечо. Я иду на планерку. Там наш святой отец скажет нормативы на сегодня. Там он огласит нам цены и заказчиков. Так этот любящий цацки урод расскажет нам о том, где он и как будет тратить деньги.

«Будь ты проклят, – думаю я. – Будь ты благословлен, думаю я, вспоминая о том, кому принадлежат вещи».

Смотрю на строй, во главе которого стою, и понимаю, что не смена сменилась, а просто те, кто был вчера, не пришли. Возможно, они больше никогда не придут. А я останусь тут в любом случае. Я – прикованный к кладбищу живой... Будто труп, прикованный к батарее наручниками.

– Вы, – начинает священник, – принесете мне сегодня...

Но продолжает, но я уже не там, уже далеко от планерки могильщиков. Я всего лишь под злым и холодным дождем ноября. Он лупит со всех сторон и будто бы въедается в кожу.

«Новичкам не повезло, – думаю я. – Завтра будут другие».

Я смотрю на строй. Все они – ошибки общества, все они – неудачники, все они – пропавшие надежды родителей, все они – пока что живы. Они еще да, я уже нет... Еще нет... Пока что да.

Ни мертв, ни жив, еще не жив, уже не мертв. Где-то в состоянии анабиоза, летаргического сна. Затяжного тумана после передозировки. Я здесь, перед жирным священником, который держит зонт, скрывающий лоснящееся сало от дождя. Также он укрывает огромный золотой крест на золотой цепи в три пальца взрослого человека. Шея выдерживает вес божественной благодати благодаря жиру.

Я здесь, в строю нелепостей, преступлений, отчаяния, наркомании и алкоголизма. Я стою в строю и смотрю на того, кто даровал мне холодный кров с обсосанными одеялами и шмотки, которые воняют грешником. Я смотрю на этого человека и вижу, как обилие подбородков содрогается в бесконечном танце, пока он произносит свою речь с довольным видом. Он предвкушает прибыльность сегодняшнего дня. Он запускает систему по полной. Он использует погоду. Он – демон для всех, ангел для меня. Жирный, обрюзглый, сальный, жадный и мерзкий человек, за которым наблюдает бог.

Я слушаю его, а потом иду занять свое рабочее место. В высоких резиновых сапогах, надетых на босую грязную ногу, я иду копать землю, в которую рано или поздно лягу сам. Лягу, сгребу горстки вокруг, а потом спрячусь под ними, став одним из моих соседей.

А пока что я иду с лопатой на плечо и слушаю, как дождь разбивается о металл. Слышу, как тяжелые шаги строя чавкают грязью. Слышу, как все они переговариваются, слышу, что они говорят обо мне. Все потому что перед тем, как распустить нас, священник подошел ко мне, по-отцовски обнял и сказал: «Сынок, я верю в тебя как в Бога, которому служу».

«Жирный ублюдок, – думаю я. – Ты служишь только деньгам... Ты любишь только деньги». Я вспоминаю про томик библии, который использую как подставку для кружки. Сильный порыв ветра заставляет меня остановиться и забыть о священнике.

«Новенькие... Завтра будут другие, не эти новенькие. Редко кто остается дольше, чем на неделю», – размышляю я, кидая грязь лопатой.

Дождь становится мелким и еще более мерзким. Ощущение, будто стало холоднее, и уже не капли, а кристаллики бьют по коже. Холодно.

Пот со лба попадает в глаза. Больно. Я весь мокрый. Из-за погоды, из-за работы. Я мокрый и холодный, но мне это нравится.

«Он ненормальный, – слышу я шепот одного из новеньких. – Вы только посмотрите на него!».

Я снимаю толстовку. Мне невыносимо душно. Я чувствую вонь грешника – святого отца. Толстовка отправляется на крест одной из могил поблизости. Капюшон крепко цепляется за

верхушку, а злой ветер ноября прибывает ткань, будто Христа, к кресту и загоразивает собой фотографию.

Теперь лед впивается в кожу моего тела, холод пронизывает меня. Я вновь беру лопату в ладонь, наполненную кровью от сорванных мозолей. Она стекает вниз по древку, смешивается с грязью, с потом, с моими мыслями и падает в свежеврытую канаву.

«Он ненормальный. Я сваливаю», – раздается все тот же голос и звук упавшей лопаты следом.

– Ублюдок, – начинаю я. – Если ты нуждаешься в деньгах, то ты остановишься, вернешься и проведешь этот паршивый день в нашем обществе.

«Мы – горькие слезы неба», – думаю я.

– Ты вернешься и отработаешь, – говорю я.

– Как ты меня назвал? – голос полный ярости доносится до меня. Мощным ударом я вгоняю лопату по древку в землю и поворачиваюсь на голос. Впервые полностью расправляюсь и смотрю в сторону голоса. Он – ничтожество, он – муха, он – будущий труп. Я об этом думаю и вижу лишь очертание своей цели. Вижу силуэт и мысленно перекладываю его туда, где сейчас мой рабочий инструмент.

– Эй, чувак, не связывайся, – звучит третий. – Не стоит связываться с этим... с этим демоном ...

– Ладно, – слышу второй голос, полный страха. – Тебе повезло.

Последние слова сопровождаются скрежетом металла по земле.

Волосы на моем лице и теле впитали холод. Мое тело пронизано ветром ноября. Мне холодно, мне надо работать, если я хочу, чтобы меня сегодня накормили и напоили крепким чаем. Мне надо работать. Надо бросать землю. Надо сделать это быстро. Затем на дно кинуть клеенку. После закидать ее землицей. Все остальное за меня сделает дождь, смешанный со льдом. Мне надо закончить эту и начать новую. Святой отец верит в меня.

Я беру лопату в руки и начинаю двигаться быстрее, чем раньше, яростнее, чем раньше, увлеченнее, чем раньше. Я – сектант своей веры. Я – фанат своих мыслей. Они – они завтра не придут.

Вот она – свежая яма. Я смотрю в нее. Внутрь. Смотрю и вижу себя там. Лежащего в воде. Гниющего и разлагающегося в колодце капель дождя. Они собраны в линейку, в целую коллекцию одного дня благодаря целлофановой клеенке. Я ее положил собственноручно. Мне сказал делать это самый благородный из людей. Сегодня он доволен, сегодня он счастлив, и это благодаря мрачной и мерзкой погоде, что рушится на хрупкие тела созданий, укрывшихся под ней.

Я вижу себя, лежащего в яме, в воде, которую не пропускает клеенка под тонким слоем земли – это маскировка. Сегодня идет дождь, и мне не приходится брать ведро и бегать от храма сюда, чтобы наполнить ее. Я это делаю в точности так, как мне сказал автор капель какого-то дерьма на толстовке. Она сейчас висит на кресте. Ветер сменил направление и теперь она, как пиратский флаг, что был привязан к кресту погибшего капитана.

Я смотрю в могилу и, клянусь, если бы она могла говорить или видеть, или мыслить, или быть живой, вот она смотрела бы в меня... Она бы забрала меня. Но это не мое пристанище... Чужое.

Я работал над новой дырой под ногами, когда святой отец... святой... отец... Когда этот ублюдок пришел с целой процессией. Он направился к заранее приготовленной канаве и был готов начать проповедь, но его перебили.

– Что это? – спросил мужской голос.

– Это? Это могила, сын мой, – ответил прислужник всех богов.

– Да, но там воды по самые яйца!

– И что? – спросил автор тех порванных штанов с вытянутыми коленками, которые сейчас были на мне затянутыми при помощи холщовой нити.

– С этим можно что-нибудь сделать? – спрашивает парень, а рядом с могилой ставят гроб, готовя к погребению.

– Ну а что с этим сделаешь? – спрашивает уродливый кусок жира.

– Рядом есть другая, сухая, – говорит парень. – Может быть...

– Да как ты смеешь!? Перед лицом Бога?!

– Вот, – говорит он и крепко пожимает руку священнику.

– Это большой грех! Через час приедут люди! – продолжает возмущаться мой спаситель.

– Да-да, конечно, – говорит парень и вновь пожимает руку.

– Да что вы себе позволяете?! Самоубийца вообще не достоин быть погребенным! Самоубийца должен гореть в крематории! Как в аду.

– Нет! Она не грешница! Сам бог... Само существование звало ее в форме мыслей и идей, – В третий раз пожимая руку священнику, говорит парень.

Я знаю этого демона с цепью на шее слишком хорошо. В его глазах огонь, которым святой отец сам будет сожжен глубоко в аду. Я вижу его тщательно утаиваемую улыбочку.

– Полагаю, с этим тоже можно что-нибудь сделать? – тихо тараторит молодой человек.

– Но учтите, вы платите не мне, моей нужде, – соглашаясь, говорит священник.

– А вы выполняете это не для меня, а для нее, – стоваривается парень.

Я смотрю на гроб. Крышка открыта. Внутри девушка. Я ее уже видел. Вчера или позавчера. Не помню. Помню только, как она лежала на асфальте. Вокруг бегали санитары. А я просто смотрел на нее. Я – любознательность.

– Сегодня мы просим господа нашего Бога принять к себе Кристину... – не успевает договорить человек в черных одеждах.

– Просто Кристи. Она любила, когда ее звали Кристи, – сказал парень.

– Хорошо... Сегодня мы просим господа нашего Бога принять к себе Кристи.

Я наблюдаю за парадом лицемерия, после того как посмотрел серию о купленном помиловании. Я смотрю за всем этим и чувствую, как холод ноября сковывает кости внутри.

«Надо работать», – мелькнуло в мыслях.

Я – аппарат, механизм. Мне необходимо топливо. Оно будет вечером, после причастия, а пока что – работа.

Я рою землю, вгрызаясь все глубже. А потом поп подзывает меня. Он говорит, что пора закрыть крышку и погрузить девушку. Я беру одного из тех, кто завтра не придет, и тащу к гробу. Мы закрываем ее. Мы используем веревки, чтобы опустить его на самое дно. Затем ждем, пока желающие кинут по горсти на крышку, и только после закидываем смерзшейся землей.

Ветер ноября, злой и холодный, треплет толстовку на кресте. Ветер ноября пытается сломить меня, но мне жарко. Я ощущаю лишь огонь под кожей. А руки держат древко, крепко. Так сильно, как только можно! Вниз спускается кровь, и с каждым броском земли через плечо несколько капель летят вслед. Красная жидкость согревает руки.

Волосы промокли от пота и холодного дождя, в волосы впутались кусочки льда. Они бьют меня по лицу, прядями свисают вниз. Длинные, черные волосы скрывают лицо. Я смотрю сквозь пряди черного холода.

Когда все заканчивается, святой отец подходит ко мне и говорит, что клеенку можно достать и прибрать для клиентов через одного. Он смотрит на меня с жадностью. Я – его любимый инструмент. Я – голем. Я – существо.

Жирный ублюдок достает деньги и трясет ими перед моим лицом.

– Если бы ты знал, если бы ты понимал, если бы ты видел смысл в этих бумажках, – начинает он. – Ты бы тоже получал кайф.

«Мразь, – думаю я. – Я знаю, что такое и для чего нужны эти купюры».

– Да, отец. Я глуп и ничего не смыслю ни в жизни, ни в деньгах. Во мне нет Бога, – в итоге говорю я.

– Ударь его, – звучит другой голос в моих мыслях. – Вонзи лезвие лопаты в шею.

– Да-да! Пробей трахею и послушай, как он будет хрипеть, как будет проклинать тебя, – появляется еще один голос. – Затем возьми его крест и натяни им цепь на этой жирной шее.

– Смелее, – еще один голос. – А потом начни двигать из стороны в сторону, распиливая шею, и так до позвоночника!

– И просто оставь его таким, – прозвучал еще один.

– Простите, наисвятейший, – говорю я.

«Ненавижу и преклоняюсь перед тобой, мразь», – думаю я.

– Позвольте вернуться к работе? – говорю я. – Хочу причаститься поскорее, а работа сокращает время.

Батюшка кивает и жестом позволяет мне идти копать еще одну дыру в земле, чтобы ноябрь наполнил ее водой, чтобы продать погребение. Этот человек, он демон жадности, что прикинулся добром. Мразь.

—
– Могу ли я поговорить с богом? – спрашиваю я человека, мне противного.

– Конечно! Правда, сейчас он занят, – говорит тот, кто даровал мне кров и пищу, говорит тот, кто сделал меня цепным животным. Говорит один из самых мерзких из людей. – Ты можешь все сказать мне, а я потом ему передам твои слова.

– Хорошо, – говорю я, а после начинаю. – Господи, прости меня. Я согрешил. Каждый день я повторяю один и тот же грех. Он заключается в том, что при рождении я отведал запретный плод. Поддался искустителю. Вкусил сладость и познал первородный грех. Обрел сознание и последовал по стопам твоих детей. Прости меня за это.

– Каждый день ты просишь за это прощение, и каждый день я тебе говорю о том, что ты не прав, – говорит святой отец, и его подбородок трясется подобно флагу на ветру. – Мы все дети детей Божьи, на нас нет того греха, за который ты просишь прощения. Все искуплено.

Он говорит, и внутри меня закипает ярость.

– Простите, – говорю я.

«Сдохни», – думаю я.

«Этого больше не повторится», – говорю я.

«Завтра я вновь буду просить прощения за это», – думаю я.

Все эти мысли тесно сплетены в одну цепочку из правды, которую я храню в себе, и лжи, которую я произношу. Я – грешник... Но не больше того, кому я исповедуюсь.

– Святой отец, за мной имеется еще один грех.

– Какой?

– Ярость. Я испытываю ярость. Чувствую злость, когда вижу праведного грешника.

– Так нельзя, сын мой. Ты пойми, каждый выбирает собственный путь. Мы с тобой на том, который ведет нас к Богу.

– Только не ты, – звучит голос в моей голове.

– Мы с тобой? – еще один.

– К Богу? – следующий.

– Сын? – очередной голос.

«Я ненавижу тебя, – думаю я. – Когда ты передо мной, я хочу превратить тебя в ничто! Ты искусно слепленная фигура, сочетающая в себе грехи».

– А что же мне делать, отец? – говорю я. Я – лжец.

– Ищи усмирение в молитве, – отвечает он мне и начинает читать.

Он забывает строчки. Перевергает стихи. Он может петь, только когда носом чешет страницы библии. Я знаю все его ошибки. Знаю каждый стих наизусть. Знаю разницу между тем, что он читает и что поет людям во время службы. Я – система, что следит за грешником. Я ни разу не открывал святую книгу, но знаю ее наизусть. Он ее держит открытой всегда, но не знает ни единой строчки. Он – создатель веры, наполненной ложью. Он – спекулянт Бога. Он – коммерсант захоронений. Он – грех во плоти.

—
«Ты то, что ты ешь! – думаю я и несущу перед собой чашу каких-то помоев.

Каждый день после причастия он кормит меня каким-то мусором. Это мясные отходы, какая-то каша. Это какие-то овощи, какие-то фрукты. Все это перемолото в единый фарш. Все это воняет тухлятиной. Все это кинуту с горкой в чашку, которую каждый вечер я приношу обратно, чтобы взять кружку с горячим чаем.

То, что не обладает вкусом, лишено формы. Это что-то цвета грязи и с ужасным запахом. Это то, что подпитывает скудным своим объемом мышцы, что трещат во время работы. Это мой рацион на конец этого дня и на практически весь следующий день. Я знаю, из чего его делает этот мерзкий священник. Он перемальвает в пюре все то, что не может съесть сам. Из того, что некогда было шедевром кулинарии, он делает отходы. То же он делает и с верой... То же он делает с библией, которую не знает, с богом, которому и во имя которого должен, но не служит, с людьми, которые возлагают на него свои надежды. Он берет все это, пихает в мясорубку и пропускает через механизм, сквозь лопасти, несколько раз, чтобы в итоге наверняка получить дерьмо.

Я несущу перед собой это. Выхожу на улицу, где холодный ветер ноября бьет в грудь, в лицо, пробирается внутрь и сковывает легкими судорогами. Через несколько секунд я привыкаю к этому. Продолжаю идти в свою скромную обитель с панцирной койкой, украденной для меня из детского дома все тем же святым отцом. С пахнущими мочой и рвотой матрацем и несколькими одеялами, которые он бесплатно вынес из психиатрической больницы после смерти на них одного из пациентов. С библией, на которую я потом поставлю кружку чая, со словарем Даля и его «сочувствием» между «сухой» и «сифилисом», с блокнотом, в который я уже мысленно записал все это. При чем библию он взял с рук старика, которому книгу положила его супруга-старуха прямо перед погребением. Сделал он это со словами: «Бога вместе с человеком хоронить нельзя». А после отдал мне. Словарь Даля я нашел на кладбище. Его потеряли школьники, которые трахались среди могил в целях получить острые ощущения. А блокнот я сам купил, когда святой отец отпустил меня погулять. Он делает это раз в месяц. Дает мне деньги и отпускает сразу после причастия. Раз в месяц я свободен. Раз в месяц я такой, каким был прежде. Я – обычный человек.

А пока что я сижу на влажном от сырости сегодняшнего дня матраце и заставляю свой организм питаться. Впитывать и насыщаться тем, что навалено в чашу. Каждая ложка дается мне с трудом, с боем, с принуждением организма. Но я понимаю, что должен питаться. Я тот, кого обнаружат уже остывшим, уже разлагающимся на полу этого гнилого домишки, я тот, кто останется валяться на воняющем аммиаком и тухлятиной матраце... И все это будет, если я откажусь запикиваться этими отбросами.

Зато дальше будет чай. Горячий и обжигающий. Кружку с которым я буду ставить на томик библии. А сам тем временем буду писать об этом дне. Я – система протоколирование событий.

Голоса в голове унялись. Они молчат. Знаю, они вынашивают мысль, которая разрастется в бурную беседу после. Это произойдет тогда, когда я скрою свое тело от холода под влажным, по вине погоды сегодняшнего дня, одеялом. Я буду лежать и трястись. Я буду чувствовать силу ноября, который неустанно лупит дождем. Я буду слушать барабанный оркестр капель дождя. Я – дирижер для ударников.

Я буду смотреть в темноту комнаты и представлять то, что я не один. Что кто-то кроме меня здесь есть. Я буду думать об этом всю эту ночь, как и ночь перед этим, как ночь перед ночью перед этой ночью, как ночь перед той ночью, перед ночью перед этой ночью. Я буду лежать и смотреть в дальний темный угол и представлять, что там кто-то есть. А потом и голоса сформулируют свою мысль. И начнется громкий и протяжный спор длиною в одну новую ночь.

А пока что я пытаюсь проглотить очередную ложку того, что откровенно навалено в чашу, и не сорваться. Не разнести все в этом месте, будучи ведомым своим безумием. Я – психопат. Я – загнанный в угол. Я – зверь... Но мне это нравится. Мне это необходимо... Сейчас. Я – психопат.

– Да, это ты! – один голос.

– Психопат – это ты, – второй голос.

– Загнанный зверь – психопат, – третий голос.

– Ты перемолотый в кашу своих недостатков и достоинств безумный кусок дерьма, – последний голос озвучил свое мнение, и я громко засмеялся, почувствовав безграничную радость в груди.

Время неумолимо мчится вперед. Как гончая, которая несется за куском поролона, обшитого дешевой поддельной шерстью. Эта псина никогда не сможет догнать свою цель. Только время, оно безумно, как я. Оно – бешеная гончая псина, которая мчится вперед, ведомая своим инстинктом, мозгом, умирающим по причине болезни. Оно, время, оно еще та сука.

Оно утекает сквозь пальцы, оставляя свежие мозоли, которые своими наростами сдерживают температуру кружки с чаем. Я тяну его с огромным удовольствием, будто бы это единственное, что у меня осталось в жизни. Я пью чай и представляю совершенно глупый сценарий о том, как у меня отбирают или выбивают из рук сосуд с милой моему сердцу жидкостью. Я представляю это в мельчайших подробностях.

– Бери за волосы, – один голос.

– Давай! Бей об землю лицом, – второй.

– Смотри внимательно, это глаз! Он вылетел из черепа! Ха-Ха! – третий.

– Еще пару ударов, и ты уничтожишь это ничтожество, – четвертый.

– Стоп! – кричит пятый голос в моей голове, и я возвращаюсь в суровую реальность.

Мой внутренний мирок лопнул. Он раскидал вокруг тысячи маленьких кусочков себя подобно мыльному пузырю. Я смотрю в другой конец комнаты и вижу там отражение своих иллюзий. Я – генератор глупых мыслей.

Я пью горячий чай и смотрю на то, как это сырое, холодное место, в котором жизни нет и быть не может, изменяется благодаря мультикам моего сознания... Как бешеная гончая псина мчится за своей призрачной целью. Если она догонит этого иллюзорного кролика, если это случится, то вселенная лопнет из-за того, что время не будет знать, что делать со своей добычей. Вселенная лопнет подобно мыльному пузырю мультика моего сознания.

А я пью чай и вношу эти заметки в небольшой блокнот, купленный мной на кладбищенские деньги. Я пишу о том, как сегодня утром резкий запах людских нечистот поприветствовал меня на улице. Описываю скользкую глину, мерзкую грязь под ногами, которая проникала сквозь пальцы при каждом шаге и пачкала мои стопы собою. Я пишу о холодном ветре ноября, который мириадами тончайших нитей чистой стужи пронизывал мое тело позже, когда я кидал лопатой грязь. Как я смотрел на капельки пота, смешанные со струйками крови, скользящими вниз. Как толстовка, повешенная на крест, изображала собой сына божьего. Вспоминаю торговлю, вспоминаю покупку посмертной индulgенции, приобретение освобождения от грехов у того, кто торгует верой тем, кто в Бога не верит.

«Слепцы, – думаю я. – Все вы будете приглашены на собрание вам подобных, и там, в большой светлой комнате, в компании Сократа и Декарта вы будете обречены на вечные

беседы. Вы все будете сосланы на один из уровней единственного заинтересованного в человеческих жизнях, человеческих душах. Вы все будете ублажать его слух своими догадками и теориями, своими гипотезами и аксиомами о том, что мироздание является чем-то другим и отличается от места их заточения. Все они будут рассказывать про крепкий сон в летнюю ночь где-нибудь в яблочном саду, где в ожидании прелестницы они уснули и теперь наблюдают даже не кошмар, а просто странный сон длиною в бесконечность».

Я вновь вспоминаю о приобретении милости божественной и о девушке в деревянном ящике. Она была такой живой и счастливой, когда я встретил ее впервые. Она лежала на сером асфальте, прислонившись к нему щекой, и улыбалась так, будто бы слышала, как город дышит, или же слушала сказки этого города. Она лежала на асфальте и была недвижима, полна безмятежного спокойствия, а в глазах ее я видел счастье от создания нового мира. Такого выражения глаз никогда раньше я не видел и, думаю, больше никогда не увижу.

Она лежала на асфальте. Вокруг бегал тот самый покупатель очищения запятнанной самоубийством души. Он ее любит, до сих пор... Уверен.

Я – беспрекословная вера своим мыслям.

Я помню, как девушка-санитар помогала уложить бездыханное тело в черный пакет. Я наблюдал за этим словно замороженный, и мысли потоком капель, наполняющих океан, неслись сквозь меня. Я стоял как вкопанный. Стоял и мешал ей пройти к дверям грузового отделения машины скорой помощи. Не знаю, почему стоял именно там, не помню этого, это не важно... Она коснулась моего оголенного из-за формы майки плеча. Она такая милая, она коснулась моего плеча, и я ощутил холод кубиков льда Сабзиро, холод Антарктиды, холод космоса, холод азота, холод абсолютного нуля.

Я описываю ее погребение, Кристи, и то, что на этих похоронах было всего несколько человек. Не было тех, кто обсуждал бы гроб, покойника, что внутри, организацию похорон, близких, те пирожки, что еще будут поданы чуть позже во время скорбного обеда в ресторане или же дома. Я пишу об этом сейчас, вспоминая, что было чуть раньше сегодня, и одновременно сама вселенная возвращает меня к опыту практически бесчисленного количества погребений. Всякий раз я сравниваю каждое новое запомнившееся с одним особенным. Я – алгоритм сравнения товаров.

В тот день солнце жарило с силой приближающейся к поверхности земли кометы. Десятка раскаленных космических объектов, которые передали атмосфере часть своей температуры. В тот день каждый вдох обжигал внутренности. В тот день мне пришлось набрать пять ведер холодной воды, чтобы подготовить лот на продажу. В тот день были похороны, на которые собралась чуть ли не тысяча человек. В тот день кладбище заполнилось венками. В тот день близкие, еще живые люди, покойника были самыми тихими во время и после погребения. В тот день труп вонял хуже выгребной ямы, к которой я хожу каждое утро босиком по холодной земле. В тот день я был счастлив от увиденного.

Они, все эти люди, они несли венки, на которых было написано: «Конченой мрази, ублюдку, гори в аду, слава богу, ты сдох...». Они все были жителями одного дома, они все были родственниками и близкими тех, кто жил в том доме. Они все были в ярости. Они – тупое стадо без пастуха. Они – слепой гнев. Они – посмертный суд Линча.

Он – воняющий разложениями труп в дешевой коробке из дерева. Он – наркоман, поставщик... Он тот, кто подсаживал малолеток, рассказывая им сказки про вечный кайф. Его мозг и мысли свело судорогами белой горячки и, бегая по подъезду, он всаживал использованные шприцы в жильцов. Он собрал этот арсенал с пола своей тухлой квартирки, в которой лежали заблеваннные школьники, менеджеры среднего звена, сбившиеся с пути, уголовные элементы разного статуса. Он слышал голоса, которые заставили его творить еще больший хаос.

Перед тем как выбежать в подъезд, он открыл газ в своей маленькой, переполненной дерьмом, квартирке. Он покинул свое маленькое царство будучи ведомым голосами, которые управляли им как кукловод марионеткой. Он – ошибка природы.

Потом, когда приехали копы, он занял другую точку обороны. Он, сидя на лестничной площадке, начал угрожать подрывом дома. К тому моменту газом пропитался весь этаж.

Переговоры затянулись, и газ спустился ниже. А потом захватчик на мгновение забыл о том, что происходит, о том, кто он и что делает. Он вставил сигарету себе в зубы и прикурил. Он – насмешка над человеческим разумом.

Не знаю, каким чудом, но от него остался обгоревший труп, который родственники решили похоронить. Они – глупцы.

Я помню все те венки. Я помню, как могилу не стали выкупать и гроб опускали прямо в воду. Помню, как особо пьяные и разозленные мужчины ссали на покойника, которого не закрыли крышкой. Помню, как кто-то принес канистру с бензином, и могила полыхнула огнем. А еще помню, как на следующий день новенькие чистили это место, и через несколько часов святой отец пихнул его в втридорога приличной семье. Он – сам сатана. Мы – ошибки мироздания. Такого мяса я никогда больше, никогда раньше не видел.

Я вижу это все на исписанных листах, которые держу в своих руках. Все эти образы кажутся даже реальней, чем я сам. Я смотрю на листы, слушаю удары капель дождя, чувствую вонь матраса. Я помню ту девушку, которую зарыл сегодня и вспоминаю холод ладоней той, которая упаковывала тело в черный мешок. Я пью чай, и он обжигает мое нутро. Кайф.

– Давай, напиши про сны, – звучит голос в моих мыслях.

– Расскажи о тех снах, которые являются тебе в короткие часы твоих провалов, – второй голос сменяет первый.

– Не можешь написать – нарисуй, – третий голос приходит на смену второго.

– Если не умеешь рисовать фигурами, образами, силуэтами, если ты не видишь этого внутри своих мыслей в подробностях, рисуй словами, описывая свои сны, – слышу уже четвертый голос в своей голове.

– Ты – псих, – говорит последний, и голоса вновь на миг утихают.

– Мои сны? Мои сны – лишь сны, – произношу я. – Пора ложиться.

Последняя фраза шепотом срывается с моих губ, и через несколько минут я накрываюсь холодными и вонючими одеялами, которые пропитались влагой и морозом. Можно сказать, что я лежу подо льдом. Мое тело сводят судороги. Больно.

«Скоро тело уймется, – говорю я себе и закрываю глаза, после чего вижу образ той медсестры. – Мне необходимо провалиться, иначе станет плохо, иначе я начну жить иллюзиями, мультиками своего сознания».

Дальним эхом в бесконечности музыки повторов этой фразы я вижу ее танцующей в дальнем углу своего угрюмого, убогого, холодного, гнилого убежища.

Очередное дерьмовое утро, точнее очередная дерьмовая ночь. После провала в царство Морфея я стараюсь открыть глаза. Ресницы смерзлись. Сначала я прикладываю пальцы к глазам и жду, пока лед растает. Потом чувствую капельки холодной воды, что скатываются вниз по пальцам, в ладони, и там остаются навсегда потерянными на линиях судьбы. Я – капелька воды, охваченная вечным льдом.

Я лежу под одеялами, которые не согревают. Я лежу на матрасе, который пропускает холод снизу. Мне холодно... Даже холоднее, чем несколько часов назад. Я понимаю, что температура резко упала ниже нуля. Я кладу ладони, которые недавно были чуть влажными от капель воды с ресниц, на щеки. Тепло от рук обжигает лицо. Ладони ощущают холод, который отдает кожа.

«Если я не начну двигаться, я схохну, – думаю я и поднимаюсь с матраца. – Холодно... Хочу полежать... Мне это необходимо».

Сначала, положив одеяла на матрац, я начинаю приседать. Голые стопы сводит холодом до боли. Я надеваю те самые сапоги и сдерживаю себя от того, чтобы закричать. Они промерзли и впитали в себя холод, как губка. Все это в одну секунду врывается в ноги миллионом тончайших иголок.

Вытерпев эту боль, я подхожу к окну, из которого прорывается холодный, пронизывающий ветер, и сквозь тьму вижу метель, которая воет, подобно волку, которая плачет, подобно младенцу, которая стонет, подобно раненному воину.

Холодно.

Холодно.

Холодно.

Подхожу к постели, беру одеяла, укутываюсь в них и вновь начинаю приседать. Холодно.

Через несколько минут я больше уже не могу выполнять это простое упражнение, поэтому сменяю его на отжимания. Упираюсь руками в пол, и ладони сводит от холода. Пальцы поджимаются сами по себе. Больно.

Расправив их, уже не ладонями, а кулаками упираюсь в пол и начинаю отжиматься. Потом вновь меняю на приседания. Вновь на отжимания. Вновь на приседания. Вновь на отжимания. Вновь на приседания. Вновь на отжимания, и из кулаков начинает сочиться горячая кровь. Больно. Холодно. Надо продолжать.

Эта длинная, паршивая, непредусмотренная ночь селит в моих мыслях идею о том, что я лягу рядом с той девушкой, которую закопал утром, с другими молодыми и старыми.

«Нет... Не-е-ет! Не бывать этому! – грозным шипением сквозь тяжелое дыхание из меня вырываются слова. – Буду жить... Буду жить... я буду ЖИТЬ!»

Я произношу это, еле двигая замерзшими губами, тяжело дыша, а кровь с кулаков все интенсивнее окрашивает грязный пол в дополнительный оттенок, а грязь с пола все больше смешивается с кровью на руках.

– Начинать работать, – появляется голос в моей голове.

– Укутывайся всем, чем только можно, и иди на улицу, – появляется второй.

– Бери лопату и вперед, копать новую дыру в земле для новенького, – третий голос.

– Вперед, копать, а потом к тебе присоединятся новые новенькие и к тем, кто уже лежит на дне, присоединятся новые новенькие, – звучит четвертый голос.

– Вы все уже давно СДОХЛИ! – безумным криком, полным счастья, орет пятый голос, и от него меня переполняет радость, и я тоже начинаю смеяться, стоя во тьме и холоде своего маленького затхлого, поросшего плесенью пристанища. Я смеюсь и поднимаю руки к лицу, смотрю на костяшки без кожи, с которых сочиться кровь, потом поворачиваю руки и смотрю на ладони, на то, как красная жидкость проникла в трещины линий, на то, как она в точности повторила узор. Я смотрю на это, и из моей груди пробивается смех. Глубокий, тяжелый смех сотрясает стены этой хрупкой постройки, пока ладони ползут со лба вниз по лицу, а потом переходят на шею, оставляя после себя грязно-алый след.

Беру все то, что есть из одежды, и надеваю на себя, беру одеяла и обвязываюсь ими, беру лопату и выхожу на улицу. Метель снегом и ветром ноября встречает меня как глупца, посмевшегося бросить ей вызов.

– Вызов принят, – представляю себе ее ответ и отправляюсь в сторону кладбища.

Здесь посреди ночи одинокая фигура роет землю, преследуя одну единственную цель – не умереть.

– Ты слышишь их? – вновь терзает меня первый голос.

– Ты их слышишь, я знаю! – второй голос подхватывает волну.

– Я знаю об этом, потому что сам слышу их, – третий голос продолжает общую мысль.

– Мы все их слышим, эти голоса под землей, – четвертый говорит мне.

– Земля танцует под ногами! – злобно усмехаясь, произносит пятый голос, и я начинаю приглядываться к земле.

Она содрогается, будто бы внизу есть колонка, что дышит басом. Земля под ногами становится мягкой. Земля выпускает из своего плена ошибочно забранного. Он зовет остальных, кто просто лежит здесь, рядом. Я чувствую, как своими костлявыми пальцами он обхватил мою лодыжку и подтягивается по ней вверх. Я – средство побега.

Через минуту я вижу сотни и тысячи трупов, что окружили меня. Они смотрят на меня, как на равного. Они пытаются понять, кто же я. А потом расходятся в разные стороны. Я – уже мертв.

– Смейся! – появляется пятый голос, и я улетаю вместе с истерическим хохотом.

В следующий миг я понимаю, что все так же стою посреди кладбища и ковыряю смерзшуюся землю. Все это время я видел галлюцинацию, в которой рыл, копал, уходил все глубже под землю, но это было лишь помутнением рассудка. Холодно.

Возвращаюсь в хижину и ищу там лом. Только так можно выкопать яму при данной температуре.

Найдя я возвращаюсь на прежнее место и уже ломом начинаю разбивать землю под собой. Медленно, но верно начинаю погружаться ниже и ниже. Я думаю лишь о том, что я не мертвец. Я обманываю себя. Холодно.

Меня окружают лишь кресты и лики. Меня окружает злая погода ноября. Меня окружает тишина и спокойствие. Меня окружают маленькие капельки пота и крови, что срываются с меня вместе с каждым новым резким движением.

Пока я работаю ломом – все в порядке. Когда я беру лопату за древко – холодно, но терпимо. Когда в моих руках вновь появляется лом, содранные участки кожи с ладоней тут же начинают болеть и гореть. Кровь вступает в реакцию с холодным металлом и словно бы впивается в него, не желая отпустить. Эта боль держит меня в сознании и не дает отрубиться. И вот я стою на дне глубокой ямы. Тяжело дышу от проделанной работы и холода.

– Боже мой, – слышу голос пастора. – Я тебя ищу уже с половину часа. Погода испортилась. Я привез тебе куртку и буржуйку в домишко.

С этими словами он бросает мне нечто похожее на куртку.

– Спасибо, отец, – говорю я.

«Гори в аду», – думаю я.

– Я продолжу работать, – говорю я.

«Демон для всех, ангел для меня», – думаю я.

– Сначала на планерку. Я привел тебе новых друзей, – говорит он, после чего берет в ладонь золотой крест размером в две ладони и целует его.

Я выбираюсь из могилы, которую долбил безумное количество времени, чтобы согреться, чтобы не окоченеть. Я был увлечен своим занятием, поэтому даже не заметил того, как ночь сменилась темным, холодным, злым утром ноября. Оно, это утро, также пришло в сопровождении метели. Словно претенциозная барышня, ведомая под ручку своим кавалером. Холодом это утро смотрело на всех и все сверху вниз.

Я выбираюсь из могилы и иду вслед за жирным ублюдком, который в очередной раз спас мою ничтожную жизнь, полную несоответствий, несовпадений, похожую на бред. Я – ошибка.

Вот они, те самые новенькие, которые пришли на смену другим новеньким, которые были раньше предшествующих новеньких. Все эти новые, очередные, сегодняшние друзья – пылинки, встречающиеся в зыбучих песках моей жизни. Все они затягивают меня на дно своими лицами, своими словами, своими голосами, что множатся обрывками в моей памяти. Все они – букашки, размазанные дворниками автомобиля моей жизни, который несется вперед по автобану без тормозов. Я превращусь в ничто.

– Сегодня вы должны... – слышу я привычную речь растра, стоя в строю ошибок . – Рабочий день будет сложным, но надбавки не ждите...

После этих слов в строю появляются несогласные.

– Это лотерея, и вы проиграли, – говорит он, и я смотрю на это свиноподобное подобие человека, на которое натянули черную наволочку, потому что ряса оказалось слишком маленькой. – И помните! Все это мы делаем ради проведения душ до Рая, где они смогут быть счастливыми около Бога, в вечности времен.

Эти слова оказывают магическое влияние на строй, на всех, кроме меня.

«Единственное место, куда можешь проводить ты, так это в ад. Причем ты, сука, очернишь даже самую светлую душу, устроив самые пышные торги среди желающих занять свеженькую могилку без воды», – думаю я.

В это время налетевшая еще ночью лютая стужа бьет в лицо ветром ноября, полным снега. Холодно.

Холодно.

Холодно.

Я хочу приступить к работе, чтобы согреться и прикончить последний день этого месяца. Я хочу выйти в город.

Вновь лом в руках при помощи действия мышц, при воздействии нейронов, что мчатся по моему телу по проводящим каналам, вновь этот кусок холодного металла, испачканного в крови, вонзается в землю перед тем, как я возьму лопату в руки, чтобы выкинуть лишнюю землю в сторону. Я наблюдаю за процессом со стороны. Я вижу себя, скрюченного от усталости и холода, из-за боли, по причине бессонницы. Я смотрю за новыми одноразовыми друзьями. Они готовы бросить все и пойти прочь, но есть одно «но», которое удерживает все эти души на местах. Их держат деньги. Деньги жирного, лживого, алчного пастора, которого я называю отцом.

«Он сказал набирать кипятков в ведра, чтобы наполнять места на продажу. Он сказал делать это за 15 минут до начала представления», – думаю я и перед тем, как приступить долбить очередную дыру, иду за ведром, а потом в монастырь, где смогу набрать воды требуемой температуры.

Мою руки в теплой воде, смывая могильную грязь вместе с кровью в водосток. Капельки свернувшейся красной жидкости смываются с трудом. Каждая уже мертвая частичка меня отправляется в водосток, чтобы смешаться с нечистотами. Я – человеческая грязь. Я – уже мертвые части себя...

Мои руки чувствуют, как боль из содранных ладоней проникает внутрь. Это происходит из-за душистого мыла и горячей воды, что попали на поврежденные, на отмороженные, на мои руки. Я ощущаю это в полном объеме. Чувствую, как боль забирается под кожу и растекается там по разным сторонам на капельку пигмента, попавшего в воду. Я чувствую эту боль и понимаю, что все еще жив снаружи, телом... Я все еще жив.

Беру два ведра с кипятком и иду наполнять могилу. Потом еще один маршрут за водой и еще один, и еще один. Каждый раз я смотрю на то, как пар поднимается вверх. Каждый раз я выливаю свежую порцию горячей воды в земляное хранилище и смотрю на то, как струйки белых линий поднимаются вверх, устремляясь к небесам. Я смотрю и вижу в этом символизм нашего существования. Смотрю на этот пар в сосуде из земли и понимаю, что я и сам как эта горячая вода. Что постоянно, ежесекундно я также испаряюсь в стремлении оказаться не здесь, в другом месте. Я смотрю на это, как на прекрасный мираж, и голоса в моей голове затихают. Мы все как вода в могиле, которая не может впитаться, которая не может смешаться с почвой из-за сдерживающей клеенки, что находится внизу. Все мы – линии пара, устремленные длинными художавыми пальцами в сторону неба.

Я – тупые мысли в моей голове.

И когда вырытая яма наполняется до необходимого уровня, я вновь беру в свои руки лом, чтобы продолжить долбить холодный сосуд, который держит нас здесь, который притягивает к своей поверхности и настойчиво требует остудить тягу к полету. Я долблю куском металла дорогу в будущее, я пробиваю броню мира артефактом, найденным внутри где-то под разбиваемой коркой. Я строю этот путь своими окровавленными и грязными руками, держа отможенными пальцами свою собственную судьбу. Я – свой собственный кошмар... И так каждый день, и так в любую погоду. Я остаюсь тем, кто выкладывает дорожку перед собой из цветного кирпича...

За этот день я продал четыре могилы. Точнее, создал четыре уже проданных произведения искусства. Я – художник, который не продал душу Дьяволу. Мой работодатель – Священник, у которого и вовсе нет души.

И обо всем об этом я пишу в своем маленьком блокноте и греюсь около буржуйки. Я чувствую, как тепло болью проникает внутрь меня. Я чувствую пораженные, обожженные холодом ноги и руки. Я чувствую кончики пальцев... Наконец-таки я чувствую пальцы. Теперь мне тепло. Теперь те отходы, тот мусор, который мне выдает святой отец, теперь все это работает на благо моего организма. Я чувствую слабость и понимаю, что простуда положила свои тяжелые ладони на мои худощавые плечи. Я – первая стадия анорексии.

Завтра мой месячный выходной. Всего один день, когда я смогу выйти в город и посмотреть на то, что происходит вокруг. На то, как меняется Мир. На стандарты красоты. На эталоны произведений искусства. Я увижу все это, чтобы на следующий месяц вновь погрузиться в ад! А перед этим я непременно напьюсь, чтобы первый день в аду был максимально ужасным, чтобы первый день в аду был по левую руку от самого Дьявола в обличии служителя господа, чтобы грусть декабря была по правую руку и терзала меня чистейшим белым и холодным голубым оттенками мороза, чтобы не осень – олицетворение смерти, преследовало меня своим постепенным увяданием, а чтобы вечность и нетленность льдов далеких полюсов грозила забыть меня во времени одной из бесчисленного количества льдинок.

Я буду гулять по замерзающему городу и слушать редкое его сердцебиение. Я буду выполнять задачи, возложенные на меня, я буду похожим на обычного персонажа этого сраного спектакля, а потом вернусь сюда, чтобы вновь увидеть мерзкую жирную рожу священника, чтобы пропитаться запахами, чтобы вновь стать художником... Я – скульптор вечности.

А пока что мне тепло... Тепло. Мне тепло! После того, как было холодно.

В это время за окном младенцем воеет метель, в это время все мои клиенты уже заняли свои места, в это время уже ставшие старенькими те новенькие, которые были сегодня, рассказывают небылицу о реальном мне, в это время за пределами стен и двери моего ветхого убежища холодно... Холодно... Холодно.

– Холод заберет душу каждого, – звучит пятый голос в моей голове, и я заливаюсь истерическим смехом вместе с внезапным счастьем в моей груди.

Первое декабря. Холодно. Город. Сонный город, заполненный снегом и льдом. Город, который может принадлежать холодной леди. Город, который мог бы стать оплотом смерти. Город, в котором живут тени и манекены, город, наполненный грязными мыслями, город, поделенный на районы, город, в котором живут грязные полицейские, сумасшедшие девушки, изможденные клерки, город, в котором по капиллярам контрабандных путей пульсирует кайф, город, в котором можно найти самое мерзкое пойло и самую дешевую медицину за дозу, город, в котором живы слова «честь» и «дружба», город, который в спешке забыл отметить на карте картограф. Город, кладбище которого является его пригородом и единственным въездом, город с многоэтажками, готическими постройками, сталинками, палатками и ларьками, барами и частными домами, город с единственной церковью на склоне горы, город, в котором

ангелы назначают randevу демонам, город, в котором возможно совершенно все. Мой город А дышит под подошвами дешевых кед, непредназначенных для данной погоды.

Я – частичка этого города. Мы – жители, душа нашего города.

Я, словно нейрон нервной системы города, несусь из точки А в точку Б, чтобы потом направиться в точку В, чтобы выполнить все поручения святого отца, чтобы разобраться со своими личными планами и обязанностями, чтобы убить этот холодный день количеством передвижений и действий, которые я совершу за 24 часа, прежде чем утром завтрашнего дня встретить новых новеньких и провести с ними мой первый, персональный, самый худший день в аду, чтобы остальные казались лишь слабым отголоском этого похмельного кошмара наяву. Я – самоубийца, и я знаю об этом.

Подошвы моих кед плавят снег. Подошвы моих кем несут меня вперед согласно тем мыслям, которые наполняют мою голову. Сегодня я не слышу голоса, которые обычно поддерживают диалог между собой. Сегодня они тоже наслаждаются выходным днем, сегодня они молчат и ждут, сегодня они вынашивают хитроумный план, тысячи идей для тысячи разговоров на весь следующий месяц. Сегодня они молчат.

На сегодня осталось всего одно очень важное дело – напиться. Поэтому я направляюсь в старенький бар. На баре висит табличка: «Стакан ставить на свет», а на входе в это заведение я каждый раз читаю название заведения. Оно магическим образом действует на меня. Оно обещает мне Мир спокойствия и тепла. Бар называется «Посадочная полоса». И пока я стою на улице и смотрю на вывеску, мне холодно, но я знаю, что внутри тепло.

За стойкой сидят трое. Они общаются, обсуждают что-то. Направляюсь за стойку и встречаю там милую мисс. Она меня знает много лет.

– Дрянь, – говорю я, и она лезет в специальный ящичек под стойкой. Оттуда она извлекает бутылку цвета земли в пыли и без этикетки.

– Совсем все плохо? – спрашивает она мягким голосом.

– Да, – говорю я и открываю бутылку.

– За последнее время ты изменился еще сильнее, – ее слова словно кошка, которая на мягких подушечках крадется в темноте.

– На то есть причины, – говорю я и наливаю граненный до краев.

– Знаешь, я видела один сон, – говорит она. – Этот сон, он меня напугал. Там был ты.

Я – чужой сон.

– Да? И что было в этом сне? – спрашиваю я сквозь боль, сквозь огонь внутри, после того как осушаю стеклянный сосуд.

– Ты был... Ты выглядел как до того, как все началось. Ты был счастливым и улыбался, – говорит она, а я наливаю вторую порцию.

– «Я был», это ты очень правильно сказала, – говорю я и опрокидываю второй. – Я был... Ладно... А что тебя напугало?

– Скажи, ты устал? – спрашивает она.

– Нет, я в порядке, – отвечаю я ложью на ее вопрос.

Девушка смотрит на меня, мне в глаза... Она знает, что я соврал.

– Скоро отдохнешь, – говорит она и отходит от меня.

Она направляется к компании трех парней, между которыми идет живая беседа.

– Скоро отдохну... – шепотом произношу я, и волна холода сковывает все внутри. Наполняю стакан и опрокидываю его еще раз, чтобы наполниться обжигающей жидкостью, полной смерти.

Теперь я подвисяю, засмотревшись на свет лампочки под моим стаканом. Он преломляется, он разбивается на фигуры. Несколько капель жидкости из бутылки начинают играть со светом, и в итоге я наблюдаю калейдоскоп на дне стакана. Он гипнотизирует меня вплоть до того момента, пока со стороны компании не доносится: «Наш мир это мясорубка».

– Наш мир – это не мясорубка... Наш мир – это всего лишь наш мир, остальное – твое восприятие, – говорю я, наполняю стакан в четвертый раз, а потом осушаю его в одно движение.

Они смотрят на меня и оценивают. Но в итоге страх неизвестности делает свое дело, и они решают не вступать в диалог. Они понимают, что я не совсем адекватен.

Проходит с полчаса, и я вновь прошу девушку за стойкой подать мне дрянь. Этот напиток, который можно найти только в этом городе. Его редко заказывают за очень большие деньги. Его редко пьют из-за чудовищного вкуса, из-за высокого градуса, из-за консистенции. Этот алкоголь чем-то напоминает кисель. Вязкий, обжигающий, мерзкий, уносящий кисель. Как-то раз я слышал, что другое название у этого напитка «Автомагистраль в рай».

– Дрянь, – говорю я, и девушка вновь ныряет под стойку, а потом достает вторую бутылку.

– Как ты вообще можешь пить это? – спрашивает она.

– Пробовала?

– Нет, от одного только запаха меня начинает тошнить, – с брезгливостью в голосе говорит она. – Поэтому и не понимаю... Я смотрю, как ты наполняешь стаканы этим, и не понимаю того, как ты можешь это пить! Вообще, вас, психов, которые заказывают дрянь, можно пересчитать по пальцам.

– Да? – спрашиваю я и опрокидываю стакан.

– Смотри, ты, один чувак, который выступал здесь несколько раз... Ему кажется, что с ним есть еще двое. Странный персонаж, но, знаешь, свое дело он делает, погружая посетителей в транс своими романтически-кровавыми бреднями... Эммм... Есть одна девушка, которая периодически заказывает это пойло. Мне кажется, она... Мне кажется, у нее было много проблем раньше, сейчас еще больше, но, когда становится чисто коллапс мирового масштаба, тогда она приходит и произносит кодовое слово. И последний, кого я знаю, это наш святой отец. Время от времени он заскакивает к нам, берет несколько бутылок и уходит прочь.

«Этот демон пьет дрянь? – думаю я, и это меня забавляет. – Значит, в нем все же есть хоть что-то святое, раз он хочет промчатся по «Автомагистрали в рай».

С этими мыслями выпиваю еще порцию ядовитого напитка.

– Ты улыбаешься? – спрашивает она. – Неужели впервые за последние полтора года ты улыбаешься?

Но я ее не слышу. Вижу только ее губы, вижу только ее силуэт, вижу только калейдоскоп на доньшке и понимаю, что вторая бутылка подходит к концу, понимаю, что новый месяц скоро стартует и все повторится вновь. Понимаю, что первый день в аду будет самым сложным из-за простуды, из-за усталости, из-за похмелья, из-за спокойного, сконцентрированного холода декабря.

Но в данный момент мне тепло! А на улице холодно. В лачуге холодно. На кладбище холодно. Но мне тепло...

Первый день в аду начинается с полета на вертолете по холодной, промерзшей земле. Я босыми ногами ступаю по снегу, оставляя после себя глубокие следы. Меня шатает из стороны в сторону. Пару раз падаю, оставляя после этого силуэты себя в снегу, на земле. Я добираюсь до замерзшего сортира. На улице бешеный холод, из-за которого выгребная яма даже не воняет. В нескольких метрах до двери с сердечком меня начинает рвать. Каждая новая волна рвоты сопровождается выкриком убийственного напитка из бара «Посадочная полоса».

– Дрянь, – кричу я, растягивая «я» так сильно, будто бы говоря про самого себя, будто бы сравнивая себя с тем, что вырывается из меня.

Как только мой желудок полностью освобождается от вчерашнего яда, я захожу в туалет.

– Почему именно сердечко? – звучит первый голос в моей голове.

– Ведь именно сердечко вырезается на дверях уличного сортира, – задумчиво говорит второй голос.

– Уличный сортир с сердечком это просто удачная шутка, которая живет до сих пор, – выдвигает свою теорию третий голос.

– Шутка, которая своей сатирой сравнивает чувства с выгребной ямой, в которую можно справиться нужду, – заключает четвертый голос.

– Мы – свои и чужие нечистоты, – со злобой произносит пятый голос, и ярость вместе с этим переполняет меня.

По сухому из-за мороза снегу я иду в лачугу, чтобы одеться. Чтобы взять лопату и лом. Чтобы самый худший из дней начался окончательно.

Моя голова раскалывается. Мое тело ломит простудой, ломит похмельем, ломит холодом. Я прошу Бога забрать меня к себе, а в следующий миг вспоминаю о том, что меня ждет рабочий день, и говорю ему: «Заберешь меня потом. Сейчас еще не время».

Я – сконцентрированный комочек боли.

В одной руке лом. Пока что он не въедается в остатки кожи на ладонях. В другой руке лопата. Она еще не сдирает остатки кожи с ладоней. Оба этих предмета пока что безобидны. Эти средства труда находятся в равновесии, в спокойствии... Они пока что спят подобно этому кладбищу. Пока что здесь никого, кроме меня, нет. Здесь пока что только я и мои голоса.

Я – единственная живая душа на кладбище, полном мертвых тел. Я – мертвое тело с пока еще живой душой.

Планерка. Мои новые одноразовые друзья курят, зубоскалят, косятся в мою сторону. Позади раздается голос.

– Его святейшество не может сегодня выйти к вам. Он заболел, – твердит молодой голос.

«Жирного ублюдка сразила молния за все прегрешения?» – думаю я.

– Вы его замените? – спрашиваю я, даже не узрев человека.

– Да, – отвечает он и появляется перед строем.

Это его сын. Сын жирного ублюдка. Поджарый парень лет двадцати пяти. Он коммерсант, который может даже мертвому впарить набор чудо-ножей, чтобы тот мог отрезать от себя куски гнилого мяса и скармливать червям. Я его знаю. У меня есть набор причин, согласно которым я должен его знать. У меня есть ряд мотивов, чтобы знать о нем больше, чем кто бы то ни было.

– А кто же будет вести церемонии погребений? – спрашиваю я.

– Я – сын нашего многоуважаемого сына божьего, – с гонором накокаиненного порно-режиссера выдает он. – Мой отец научил меня всему, когда я был маленьким.

«Учил тому, чего не знает сам, – думаю я. – Учил бредням, учил вранью».

– Тогда ведите нас, сын нашего святого отца, – говорю я, и мы направляемся к месту, в котором начнется новый ряд ям для тел.

Уже на месте он обращается ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.